

Дружинин А.В.

***Интермедия между первой и второй частью
«Заметок петербургского туриста»,
или «Летняя поездка господ Лызгачова, Буйновидова и Брандахлыстова
к российским литературным знаменитостям»
(по впечатлениям от поездки в Спасское-Лутовиново летом 1855 г.)***

... Между тем в большой гостиной Ивана Сергеича, в окрестности огромного дивана, обитого зеленой материей, происходила сцена замечательная и послужившая началом турнира, еще более достойного внимания. Андрей Кондратьич Брандахлыстов, до обеда игравший в бильярд с каждым из нас, и оказавшийся слабей всех по бильярдному искусству, издевался надо всем собранием, говорил, что ни один из нас не достоин взять кия в руки, и закончил свою речь вызовом на новый бой, обещая дать сопернику второй шар и сорок восемь вперед. Самонадеянность его, несокрушимая никакими доводами, сперва всех увеселяла, а потом повергла в некоторое негодование. «Повторяю вам, господа», – кричал Брандахлыстов, – «что вы все не умеете попасть в шар. Я только испытывал до сих пор ваши силы, и к тому же солнце било мне в глаза во время игры. Моим ударам дивился английский клуб. Я едва ли не первый игрок в России. Кто хочет быть пораженным, тот – выступай и бери сорок восемь вперед. Партия идет по пяти целковым».

В это время с противоположного дивана восстала величественная фигура Буйновидова, до той минуты лежавшего и наблюдавшего за тем, как мухи ходили по его лицу, рукам и обнаженной груди, производя своими лапками щекотание, не лишенное приятности после обеда. «Остановись, Андрей Кондратьич», – сказал он посреди общего молчания, – «твое хвастовство не совместно ни с качествами души твоей, ни с твоим образованием. Я молю судьбу, чтоб она достойно тебя наказала».

«Отправляйся лучше заснуть после обеда», – презрительно вымолвил новый Ахиллес бильярда.

«Нет, я не пойду спать», – сказал пустынный, – «я буду следить за игрой, и в случае проигрыша приготовлю тебе примерное наказание».

Все устремились в бильярдную, наполненные смутным ожиданием. Партия началась, Иван Сергеич принял вызов Брандахлыстова и должен был, против своего желания, взять сорок восемь вперед.

«Самонадеянность Брандахлыстова невыносима», – сказали Лызгачов и все литераторы, кроме хозяина.

Андрей Кондратьич словно тешился нашим неодобрением, *il se drapait dans son impopularité*, как говорили когда-то про Гизо. «Как вы держите кий, Иван Сергеич», – вымолвил он, подсмеиваясь, – «уж лучше бы вам играть не кием, а палкою!»

Тут обладатель села Спасского сам возгорелся негодованием. «Хорошо же», – сказал он, – «если я не достоин брать в руки кия, то стану играть палкою! Посмотрим – кто одолеет...», и он взял у Василия Петровича его походный посох, простую палку с медным наконечником, палку даже сделанную не из дерева, а из тонких кожаных ремешков, искусно переплетенных и сплоченных.

«Я вам советую взять вперед еще одиннадцать очков», – иронически сказал Брандахлыстов и сделал дуплет – на пол аршина от лузы.

«Довольно и сорока восьми», – ответил Иван Сергеич и положил красного в угловую лузу.

Андрей Кондратьич стукнул по всем шарам так, что они забегали, закрутились, и два из них упали в лузу.

«Это – бессовестные фуксы!», – воскликнули все зрители.

«Тончайший расчет!», – возразил Брандахлыстов и вслед затем положил на себя.

«Пятьдесят шесть и двадцать один», – произнес Буйновидов, трепеща от ожидания.

Иван Сергеич стоял под желтым – срезать лакомый шар было бы легко с помощью кия, но палкой – другое дело. Он промахнулся, а Андрей Кондратьич сделал еще гусара.

«Двадцать семь и пятьдесят шесть», – прерывающимся голосом произнес Буйновидов, – «Иван Сергеич, возьмите кий – бросьте палку!..»

Единодушные рукоплескания всех зрителей прервали его речь. Хозяин напряг все свои силы, прицелился палкой, срезал красного и дал карамболь по

другому красному шару. «Ура!», – закричали все, – «самонадеянный боец достойно наказан».

«Смешное дело!», – сказал Брандахлыстов небрежно, – «мог ли я играть со старанием, видя, что у противника не кий, а палка в руках?»

«Вы сами же его вызвали», – возразил Василий Петрович, – «вы же предложили ему играть палкой. Так похвалиться нельзя! Это не делают игроки, которыми дивился английский клуб! Этого делать нельзя, – нельзя!»

«А не хотите ли вы со мной сразиться?», – сказал ему Брандахлыстов, – «дам пятьдесят вперед и по десяти рублей партия!»

В это время в бильярдную вошел Петр Петрович Буйновидов, стремительно пробежавший в кабинет хозяина тотчас по окончании оригинальной партии. На лице его изображалась крайняя торжественность, соединенная с мрачной печалью; казалось, он готовился выполнить какую-то тяжкую, но спасительную обязанность. В руках он держал огромный лист голландской бумаги, на листе красовались какие-то строки, выписанные крупно. «Андрей Кондратьич», – важно сказал он, обратясь к пораженному герою бильярда, – «я сказал при начале игры, что твоя самонадеянность имеет быть примерно наказана. Пусть отдаленные поколения помнят этот день и казнят твое хвастовство должной казнью. Читайте этот лист господу. Мне тяжело исполнять свой долг, но я помню, что Брут осудил на смерть своего родного сына.» И сумрачный мизантроп поднял вверх свой лист бумаги, и четырьмя булавками прикрепил его к самому высокому шкафу, занимавшему виднейшее место в зале. Мы подняли глаза и прочли следующее.

1855-го года, Мая 13-го, в селе Спасском, в сей самой комнате

Андрей Брандахлыстов,

называвший себя первым бильярдным игроком в России,

был обыгран на бильярде хозяином сего дома,

имевшим в руках не кий,

а

простую палку.

Прохожий! пусть сей пример послужит тебе целебным

бальзамом, и спасет тебя от хвастовства

и

Самонадеянности.

Надо было видеть – с каким огорченным, важным, горделивым видом прикалывал Буйновидов эту бумагу к шкафу! С него можно было рисовать Катона или, по крайней мере, Тимона – афинянина!

С этого вечера Петр Петрович Буйновидов стал общим любимцем, а Брандахлыстов перенес свои подвиги в ту часть сада, где стояли кегли. Всякий день приходилось вытачивать новый запас кегель – ни одна партия не выдерживала его ударов!

Своими же руками воздвиги, - истребители Мучеников
иже Иерусалимские.

Итак, с не нами вразуми, - истребители, и иже воздвиги
иже, и в Сирии иже, иже воздвиги иже воздвиги иже
иже.

Иже воздвиги иже воздвиги иже воздвиги иже воздвиги
Иже воздвиги иже воздвиги иже воздвиги иже воздвиги
Иже воздвиги иже воздвиги иже воздвиги иже воздвиги

Иже воздвиги иже воздвиги иже воздвиги иже воздвиги
Иже воздвиги иже воздвиги иже воздвиги иже воздвиги

Иже воздвиги иже воздвиги иже воздвиги иже воздвиги
Иже воздвиги иже воздвиги иже воздвиги иже воздвиги
Иже воздвиги иже воздвиги иже воздвиги иже воздвиги

Иже воздвиги иже воздвиги иже воздвиги иже воздвиги
Иже воздвиги иже воздвиги иже воздвиги иже воздвиги
Иже воздвиги иже воздвиги иже воздвиги иже воздвиги
Иже воздвиги иже воздвиги иже воздвиги иже воздвиги
Иже воздвиги иже воздвиги иже воздвиги иже воздвиги

Иже воздвиги иже воздвиги иже воздвиги иже воздвиги
Иже воздвиги иже воздвиги иже воздвиги иже воздвиги

Иже воздвиги иже воздвиги иже воздвиги иже воздвиги
Иже воздвиги иже воздвиги иже воздвиги иже воздвиги

Иже воздвиги иже воздвиги иже воздвиги иже воздвиги
Иже воздвиги иже воздвиги иже воздвиги иже воздвиги

Иже воздвиги иже воздвиги иже воздвиги иже воздвиги
Иже воздвиги иже воздвиги иже воздвиги иже воздвиги

Трагедия
Григорий

апрели
всего же в настоящее время в России уже не
осталось ни одного человека, который бы
не знал, что такое революция, и что такое
революция. И вот потому-то революция
уже не может быть в России, и потому-то
революция уже не может быть в России,
и потому-то революция уже не может
быть в России.

1935го года, Мая 15го, в день Чкалова, в день рождения

Великого Гераника

Великого Гераника
Великого Гераника
Великого Гераника

Великого Гераника

Великого Гераника

Великого Гераника
Великого Гераника

Великого Гераника

Великого Гераника

Великого Гераника
Великого Гераника
Великого Гераника

Великого Гераника
Великого Гераника
Великого Гераника
Великого Гераника

1935-15-33